

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ТВОРЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ СИМВОЛОВ
ВЯЧ. ИВАНОВА В СБОРНИКЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ
Ю. ВЕРХОВСКОГО «БУДЕТ ТАК»

© 2019 г. Л.В. Маштакова

*Институт истории и археологии Уральского
отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия*

Дата поступления статьи: 26 декабря 2018 г.

Дата публикации: 25 июня 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-274-291

Аннотация: Статья посвящена последней прижизненной поэтической книге Ю.Н. Верховского «Будет так» (Свердловск: ОГИЗ Свердлгиз, 1943). В стихотворениях сборника, помимо их общей военно-патриотической направленности, неочевидным образом продолжают темы дружеских посланий Верховского к Вяч. Иванову и актуализуются художественно-эстетические открытия символизма 1900–1910-х гг., создается через типичный для символизма, но обновленный образно-символический ряд единое время-пространство Свердловска-Петербурга. Особое внимание уделяется мифопоэтическому компоненту «уральского текста», органично входящему в поэтику Верховского в 1940-е гг. и расширяющему коннотативное поле общих для него и Вяч. Иванова символов. Рассматривается концепт памяти у Иванова и Верховского, его развитие от более ранних стихотворений к произведениям военного времени («Римский дневник 1944 года» Иванова и «Будет так» Верховского). Общие представления о мировой культурной памяти в 1940-е гг. у Верховского трансформируются согласно логике военного времени: центральным событием истории становится ожидаемая победа советской армии во Второй мировой войне, на ней сосредоточены и к ней направлены все духовные силы народа, коллектива, где каждый «на посту своем». У Иванова же в «Римском дневнике» события личной жизни души доминируют над событиями войны, входя в «большое время» всечеловеческой истории. Так, в 1940-е гг. в двух поэтических свидетельствах эпохи происходит главное расхождение собеседников-символистов.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Юрий Верховский, символ, символизм, рецепция, литература Великой Отечественной войны.

Информация об авторе: Любовь Владиславовна Маштакова — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, ул. Софьи Ковалевской, 16, 620990 г. Екатеринбург, Россия. ORCID ID: 0000-0001-9664-6110

E-mail: lika170288@mail.ru

Для цитирования: Маштакова Л.В. Творческая рецепция символов Вяч. Иванова в сборнике стихотворений Ю. Верховского «Будет так» // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 2. С. 274–291. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-274-291

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

INTERPRETATION OF VYACHESLAV IVANOV'S SYMBOLS IN THE COLLECTION OF POEMS *LET IT BE SO* BY YURY VERKHOVSKY

© 2019, L.V. Mashtakova

*Institute of History and Archeology, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia*

Received: December 26, 2018

Date of publication: June 25, 2019

Abstract: This article examines the last collection of poetry by Yury Verkhovsky entitled *Let it Be So* published in his lifetime (Sverdlovsk, OGIz Sverdizg, 1943). This collection of poems, apart from its overall pro-military and patriotic pathos, covertly continues the tradition of friendship epistles of Verkhovsky and Ivanov. Bearing on the aesthetic discoveries of Symbolism in the years between the 1900s and the 1910s, the collection introduces the typically symbolist temporal and spatial model that, however, relates itself to the current historical situation. The article specifically focuses on the mythopoetic component of the so-called "Ural text", organically included in the poetics of Verkhovsky in the 1940s as it extends the field of symbols and allusions shared by Verkhovsky and Ivanov. The article also explores the concept of memory in Ivanov's and Verkhovsky's work and its development from the earlier poems to the wartime poems (*Roman Diary, 1944*) by Ivanov and *Budet tak (Let it Be So)* by Verkhovsky. The latter interprets general notions about the world cultural memory according to the logic of wartime: the expected victory of the Soviet army in the World War II becomes the central event of history, central target of the spiritual forces of the people — represented as the collective team where everyone is responsible and must be "on duty." By contrast, in Ivanov's *Roman Diary*, the events of the personal life of the soul dominate over the events of the war as they enter the "great time" of human history. Thus, in the 1940s, on the example of two poetic testimonies, we witness the main divergence of two Symbolist poets.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Yury Verkhovsky, symbol, Symbolism, reception, World War II in Russian Literature, The Great Patriotic War in Russian Literature.

Information about the author: Liubov V. Mashtakova, PhD in Philology, Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Kovalevskaya St. 16, 620990 Yekaterinburg, Russia. ORCID ID: 0000-0001-9664-6110

E-mail: lika170288@mail.ru

For citation: Mashtakova L.V. Interpretation of Vyacheslav Ivanov's Symbols in the Collection of Poems *Let it Be So* by Yury Verkhovsky. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 2, pp. 274–291. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-274-291

История дружеских поэтических посланий¹ Вячеслава Иванова и Юрия Верховского насчитывает 37 лет (1907–1944). На них приходится целый ряд как кардинальных культурных, социальных, политических изменений в жизни России, так и изменений в судьбах участников этого диалога. Одно из последних посланий Иванова датируется 10 июля 1926 г.:

В римской лачуге моей, за стаканом *marino-asciutto*
Мы вспоминаем тебя, милый покинутый друг! [9, с. 35]

В этом неопубликованном при жизни Иванова двустихии — и самоирония поэта, оставившего советскую Россию, опомнившегося от «*dies irae* революции»², и его симпатия к адресату, «Слону Слоновичу», «Юраше», «Медвежатине» Верховскому (дружеские прозвища поэта [8, с. 788]), поэтический диалог с которым ввиду пристрастий обоих к классической литературе не раз обретал форму дистиха, и легкая ирония над другом, «покинутым» своим учителем и покровителем. Это одно из последних посланий, однако череда переключек, особенно неявных, в стихотворениях и Иванова, и Верховского может быть продолжена. И наименее репрезентативным материалом для исследования этих переключек, но наиболее контрастным в сочетании с основной тематикой стихотворений может послу-

1 Об истории посланий см.: [18; 27; 15, т. 3].

2 Из письма к Ф.А. Степуну 22 марта 1925 года: «Не смейтесь: с Вами говорит постоянный в своей долгой как жизнь страсти любовник гуманизма. И вот, этой страсти, почти тождественной с жизнью, я, кажется, уже не нахожу в себе — под небом Рима! Другая страсть, другой Эрос ее вытесняет из души — медленно, но верно. Опомнившись от *dies irae* революции, находишь в душе укорененными несколько повелительных заветов» [20, с. 410].

жить последняя книга Верховского «Будет так», вышедшая в Свердловске в 1943 г.

Юрий Никандрович Верховский, профессор Пермского университета в 1918–1921 гг., вновь попадает на Урал в годы Великой Отечественной войны в числе эвакуированных и поселяется в Свердловске в 1941 г. В годы войны поэт печатался в газетах «Уральский рабочий», «Красный боец», «Литературный Урал», «Тагильский рабочий», «Звезда», участвовал в конференциях в Перми (1943) и Нижнем Тагиле (1943), выступал с лекциями в Педагогическом и Государственном университетах, на радио, участвовал в коллективных литературных сборниках («Говорит Урал» (Свердловск: Свердловгиз, 1942), «Нижний Тагил» (Свердловск: Свердловгиз, 1945) и др.), написал около 200 стихотворений. Как он отмечает в своей автобиографии 1944 г., «с начала войны вся моя энергия устремлена на посильное участие в борьбе с фашизмом и оборонной работе в тылу — литературной и общественной» [8, с. 89б]. Это объясняет и основную патриотическую направленность книги. Однако за ее актуальными образами отчетливо виден фундамент — более ранняя близость автора символистскому, ивановскому, прежде всего, кругу, обусловившая (сознательно или бессознательно) переработку им символистской по сути мотивно-образной структуры. Парадоксальным образом эти разные содержательные пласты соседствуют в стихотворении «Набережная Рабочей Молодежи»:

Волна о берег плещет — как в Неве,
 Решетка над водой — как в Ленинграде, —
 Задумчивы в печальном торжестве
 И в сумрачной, но радостной отраде.
 Дух боевой, упорный, как волна,
 В твоих бойцах, о, город мой любимый,
 Отлит в огне прочнее чугуна
 И волей закален неодолимой.
 С тобой я верной памятью всегда
 Сердечною — мгновенной, многострунной...
 Миг — ясная широкая вода,
 Ограды над водой узор чугунный [5, с. 8].

Название стихотворению дала старейшая улица Екатеринбурга–Свердловска, объединившая Гимназическую и Тимофеевскую набережные. С нее открывается вид на городской пруд («в гранит оделася» Исеть) и плотину железодельного завода, устроенного В.Н. Татищевым по указу Петра I в 1723 г. На набережной сохранился первый дом-усадьба, выстроенный по петербургскому типу архитектором М.П. Малаховым. В 1940-е гг. при Верховском этот пейзаж, напоминающий северную столицу, сохранился почти без изменений. Дополняют его чугунные решетки сада усадьбы и самой набережной, отлитые на Каслинском чугунолитейном заводе, как и часть оград и решеток Петербурга.

В тыловом Свердловске память возвращает поэта к его *genius loci* — Петербургу. На первый план в стихотворении выступают актуальные темы: несдающийся Ленинград, его жители-бойцы, крепкие «упорным» духом, «сумрачное» осознание победы. Этот мотивно-образный ряд переходит из стихотворения в стихотворение, объединяя тематически всю книгу, но наравне с Ленинградом (помимо «Набережной Рабочей Молодежи» — «Затемненный Ленинград», «Мы поем») такими «местами памяти» становятся Москва («Москве», «Над Москвой»), Смоленск³ («Смоленск родной») и другие города. Значительное место уделено тыловому Свердловску, равно сражающемуся, как прифронтовые города. Образ «города-героя» Свердловска не уникален, часто именно таким он предстал в произведениях эвакуированных писателей. Например, у А. Коца:

Но есть Москва и Ленинград,
 Но живы Ржев и Сталинград!
 На помощь вам седой Урал
 Всю мощь машинную собрал:
 Гудят станки и провода,
 И в домнах плавится руда (цит. по: [17, с. 129]).

Яркий пример мифопоэтического образа «Урала-воина», «Урала в обороне» — картина Н. Воскобойникова «Седой Урал кует победу» (1944).

³ Верховский родился в 1878 г. в селе Гришнево Смоленской губернии, там же провел детство и юность.

Другой важный и общий мотив для эвакуированных писателей — ощущение каждого на своем посту, также приближающий тыловой Свердловск к общему делу победы [например, «Дневник Наташи Ивановой» А. Барто (Свердловск, 1943)]. У Ю. Верховского:

Другого смысла в жизни нет
Для нас сейчас:
Напрячь все силы для побед —
Тут все для нас.

Забыв тщету и суету
Во всем кругом,
Будь каждый на своем посту,
В ряду своем [5, с. 3].

В этом смысле очевидно и логично сопоставление Свердловска и прифронтовых городов, но для Верховского важны визуальные ассоциации:

Пускай мятель затянет круговую;
Свердловск напоминает мне Москву,
А набережная порой — Неву;
Они приветят вьюгу мировую.

И пусть она в победный миг сметет
С лица земли несосветимый гнет [5, с. 25]⁴.

Так, в «Набережной Рабочей Молодежи»:

Волна о берег плещет — как в Неве,
Решетка над водой — как в Ленинграде...

4 Заметим, что образы мировой бури-метели отчетливо ассоциируются с характерной образностью поэзии А. Блока, с которым Верховский был дружен и состоял в переписке, а «несосветимый гнет» ближе языку революционной поэзии, к которой поэт не был близок. Но этот сюжет — тема для отдельного исследования.

Именно набережная Исети в Свердловске становится для Верховского образом, не только отсылающим к Ленинграду-Петербургу, но и аккумулярующим вокруг него ряд отсылок к довоенному и досоветскому времени. И «Набережная Рабочей Молодежи» в этом смысле — показательное для книги стихотворение.

За описанием ландшафта следует метафора волны, бьющей о берег: «Дух боевой, упорный, как волна, / В твоих бойцах, о, город мой любимый». В упорстве бьющей о берег речной волны видится столь же сильное упорство и стойкость жителей Ленинграда в бою за город. Но также волна — образ, традиционный для изображения социальных катаклизмов или личных жизненных волнений⁵. Для Верховского он не нов: в более раннем стихотворении, с большой долей вероятности адресованном Вяч. Иванову, «Другу» — мы встречаем сходные образы-мотивы волн и смутного будущего:

Уж не впервые говорю с тобой,
Хотя и знаю: ты теперь далече;
Бог весть, когда придем мы к новой встрече,
Разрозненные смутною судьбой.

Волны разгульной прядает прибой,
Влечет пловца в пылу невнятной речи, —
Но вдруг переплеснется через плечи,
Его обдав лишь влагой голубой.

Так, мысля о тебе, душой милую
Живое упование, что твоя
Цела достигнет пристани ладья;

5 Так, в аллегорическом стихотворении А.С. Пушкина «Арион»: «А я — беспечной веры полн, — // Пловцам я пел... Вдруг лоно волн // Измял с налету вихорь шумный...». Литературная традиция изображения волны, моря и путешествующего странника, а также опыты прочтения стихотворения Пушкина и библиография по теме приведены в статье Е.В. Кардаш: [16]. Этот образ приобретает новое значение и особую актуальность в литературе периода революции и в ранние советские годы: от статьи «Интеллигенция и революция» А. Блока («Россия — буря») до поэмы «Стенька Разин» В. Каменского и неоромантических баллад Э. Багрицкого «Арбуз», «Баллада о Виттингтоне» и др.

А сам не верю в непогоду злую,
Когда кругом среди неверной мглы
И пенятся, и плещутся валы [7, с. 2].

Примечательна выбранная поэтом для послания сонетная форма (в поэтическом диалоге Иванов–Верховский она реализована не единожды). В.В. Калмыкова, исследователь творчества Верховского, отмечает: «Верховский строит свою поэтику (вряд ли осознанно) по “брюсовской” модели. Ему были свойственны тщательность в отделке стихов – и стремление *работать* над стихом, так забавлявшее Андрея Белого» [8, с. 753]. Далее исследовательница приводит строчки из мемуарной книги А. Белого «Начало века», где Верховский каждый день входит в кабинет Иванова с новым сонетом, «как восходящее солнце: из дня в день» [8, с. 753]. Не оспаривая образ Брюсова-труженика (цветаевский образ «вола») и влияние Брюсова на Верховского (свою первую книгу при посредничестве Иванова он издает в 1908 г. в «Скорпионе»), отметим, что тщательность в отделке стихов, как и любовь к твердой форме сонета у Верховского если не полностью от Иванова, то очень ему близка. И поэт сохраняет ее на протяжении всей жизни, включая цикл военных сонетов в сборник «Будет так».

Другой источник поэтики Верховского, в том числе в цитируемом стихотворении «Другу», – русская поэзия пушкинской поры. Целый ряд исследователей справедливо относит поэта к неоклассикам начала XX в. Для них, с одной стороны, поэтика «золотого века» русской литературы обладала «наиболее совершенными орудиями для выражения в стихе современности», а с другой стороны, «интерес к классическому стиху связывался с интересом к формам быта и сознания тех эпох, когда происходило формирование этого стиха» [11, с. 60]⁶. А.В. Лавров, комментируя стихотворение «Другу», приводит в качестве поэтического ориентира для поэта пушкинский «Арион», эту версию развивают пермские исследователи Т.Н. Фоминых и С.А. Звонова [13]. Аналогия поддерживается не только личными пристрастиями Верховского, но и историко-литературным контекстом эпохи. В годы революции и Гражданской войны образ Пушкина играл роль культурного ориентира (например, у А. Блока, «Пушкинскому

6 Также о неоклассицизме у Верховского см.: [3, с. 199; 10, с. 259; 12, с. 4–5].

дому», 1921: «Дай нам руку в непогоду, Помоги в немой борьбе!» [2, с. 96]), «изнутри» продолжалась начатая в Серебряном веке сакрализация «солнца русской поэзии». Но в то же время и «сверху» начались процессы «огосударствления» образа «товарища» Пушкина, т. е. неоклассицизм получил государственную поддержку⁷. Однако, рассматривая образы ладьи, непогоды, волн, в стихотворении «Другу» наряду с «Арионом» Пушкина в качестве ближайшего контекста можно назвать и философскую лирику Ф. Тютчева, вновь открытого для читателя русскими символистами. Не без влияния Тютчева образы пловца, челна, морского плаванья становятся устойчивыми в поэзии Вяч. Иванова, в частности, в период книги «Кормчие звезды» (1901–1903), особенно в цикле «Thalassia». Так, например, в стихотворении «В челне по морю»:

Помнишь, как над бездной моря
 В легкопарусном челне
 Мы носились, с ветром споря,
 По ликующей волне? [14, с. 593]

В 1919 г., когда выходит в свет стихотворение «Другу», Иванов живет в Москве (это период цикла «Зимние сонеты»), Верховский — в колчаковской Перми. Образы, в мирное время осмысляемые как мистико-психологические и именно в этом ключе конкретно-личные, в годы Гражданской войны выступают в историческом контексте: это одинокий пловец, одинокая ладья в море исторической катастрофы (метафора как отдельной жизни человека, так и целой страны). Для поэзии Иванова этот образ-символ актуален еще в 1905 г. В цикле «Година гнева» он разворачивается в мифопоэтический сюжет огненного крещения, через которое проходит Россия-феникс, ведомая небесными кормчими. Но в «годину гнева», по Иванову, как пишет М.В. Михайлова, не столько разрешаются «политические и экономические напряжения, сколько испытывается человеческое сердце. Для зрелого духа все, в том числе и социальные катастрофы, открывается как путь a realibus ad realiora» [19, с. 218]. В 1920 г. с разницей в один год со стихотворением «Другу» Верховский пишет в послании Иванову: «Многое в нашей судьбине

7 Об этапах формирования мифа о Пушкине см.: [4, с. 144–177; 26, с. 3–4] и др.

в годину великого гнева (курсив наш. — Л.М.) / Падают также на часть бодростью мышц одолеть» [23, с. 225]. То есть к 1940-м гг., новой «године гнева», когда Верховский пишет «Набережную Рабочей Молодежи», ландшафт Свердловска, к которому он обращается, сами образы реки, волны, биения о берег, уже имеют для него свою творческую историю, а потому становятся обращенными вспять, обретая символическое значение.

Однако в «Набережной» важен и уральский компонент. Показательно, что дух советских бойцов у Верховского «отлит в огне прочнее чугуна» (курсив наш. — Л.М.). Если чугун как материал (например, решеток садов и набережных) — образ еще пушкинский, то *литье* чугуна, т. е. сам процесс, — это мотив уже специфически уральский. Хотя здесь можно вспомнить и ахматовские строки 1941 г.: «И та, что сегодня прощается с милым, — / Пусть боль свою в силу она переплавит...» [1, с. 8] (творчеством Ахматовой Верховский-филолог занимался в Перми), и все мотивы плавления-переплавки в русской поэзии вообще и у Иванова, в частности [например, стихотворение «Зодчий» («Эрос», 1907)]. Но для Урала это мотив особенно важный, наделенный своим мифологическим значением. Мифопоэтическая роль домены и мартена, в частности, освещена в статье Ю.С. Подлубновой «Домна и мартен в уральской поэзии 1920–1930-х гг.». Исследовательница приводит большое количество художественных источников, с которыми, вероятно, был знаком Верховский в уральский период. Так, например, в стихотворении А. Жарова — такие строки: «Кран упрямо форму подает. / Из ковшей металлом лава брызнет. / Это значит, // Что ведет завод / Переплавку нашей жизни» (цит. по: [21, с. 297]). Как пишет Подлубнова, скорее всего, Жаров использовал клише эпохи [21, с. 297], но само по себе оно показательно: плавление напрямую связывается с преобразованием человека и общества, причем именно в общем, коллективном усилии. Не нашел ли на Урале и в уральской поэзии ученик Вяч. Иванова живительную силу, преобразующую человека, близкого здесь огню и земным недрам, сильнее и вернее, чем любая советская агитация?

То, что самому Верховскому любая пропаганда была чужда, говорит начало его рецензии на поэму «Младенчество» Иванова («Свободная Пермь», 1919 г.): «...Вдруг, как весть издалека, новая книга — не “скифская” и не агитационная, а просто книга. Мы жадно впиваем ее, как свидетельство о том, что нить, органическая нить внутренней, духовной жизни еще

не порвана, что где-то глубоко-глубоко можно еще ощутить какую-то связь того, что во вне распалось и разложилось под напором диких стихийных разнузданных сил» [6, с. 3]. Такая «органическая нить» в «Набережной Рабочей Молодежи» — это тема памяти, возникающая в конце, воплощенная в образе воды спокойной в противовес волне, бьющей о берег:

С тобой я верной памятью всегда
Сердечною — мгновенной, многострунной...
Миг — ясная широкая вода,
Ограды над водой узор чугунный.

От конкретно-визуального образа решетки над водой Верховский переходит к Ленинграду и его бойцам, от них — к «многострунной памяти», от памяти, реализует композицию круга-кольца, — снова к чугунному узору, эту живую память окаймляющему. Память (личная, историческая, культурная), вечный возврат и круговое развитие — идеи, лейтмотивные для Серебряного века в целом. Параллель с Ивановым можно считать симптоматичной и непрямой, но совпадение удивительно: можно вспомнить, например, «Aqua virgo» («Римские сонеты», 1962), стихотворение, посвященное фонтану Trevi. Реализация идеи возврата подразумевает наличие исходной точки; часто это конкретный локальный образ, связанный с событиями биографии автора. Этот образ и наделяется символическим значением, раскрываясь далее в пространство культурной памяти силой, говоря словами Иванова, «энергии соборной» «и в таинственном смысле священственной», так как художник — «жрец Мнемосины и Муз» (статья «Древний ужас») [15, т. 1, с. 93]. Для Иванова таким местом, «Музеем Памяти» [25] является Рим, а в «Aqua virgo» — это фонтан Треви, вода забвения, вода памяти [24, с. 103]. Вспомним также одно из ключевых ивановских стихотворений, связанных с темой мировой памяти, — «Дриады». Прислушивающийся к дриадам постигает «наитье сумрачной отрады» [14, с. 746]. В первом четверостишии «Набережной...» — едва ли не прямая цитата: «Задумчивы в печальном торжестве / И в сумрачной, но радостной отраде». Для Верховского таким исходным локусом в «Набережной...» становится пространство Петербурга, с ним он своей «многострунной» памятью, какой только и может быть память поэта. Сам расхожий образ-метафора струн связан,

конечно, с Мнемозиной и музами, через него реализуется особый концепт памяти, дарующей знание истоков, и возможность это знание претворять в поэзию. Античная символика в 1940-е гг. уже не была актуальна, но ассоциативные слои стихотворения Верховского ведут именно к ней, тем самым как бы тайно, исподволь напоминая о его собственных, личных истоках, о его учителе. Возникает если не противоречие, то столкновение двух разных с поэтической точки зрения пространств, разных плоскостей. Одно, внешнее, принадлежит военному времени. Другое, внутреннее, но связанное с первым, находится в поле символическом и обращено в мифопоэтику как «петербургского», так и «уральского» текста.

Но именно эта тема, тема «многострунной памяти», связующая несколько пространств, и уходит в подтекст стихотворения, едва реализовавшись: на это есть и внутренние, и внешние цензурные ограничения военного времени, определенный канон, которому должен следовать советский писатель⁸. Поэтому главный акцент здесь поставим на многоточии во второй строке последней строфы. Именно в этом месте, предположим, невысказанное последнее послание, предназначенное если не конкретно Иванову, одному из главных адресатов стихотворных посланий Верховского (переписка между поэтами невозможна в силу политических обстоятельств), то Петербургу как сосредоточению духовных, культурных сил России на рубеже веков. Так создается единое символическое пространство Свердловска–Ленинграда–Петербурга, в котором через актуальную для времени образность проступают черты, военному времени не принадлежащие.

В.В. Калмыкова в статье «“Тихая судьба” Ю.Н. Верховского» замечает, что именно в 1940-е гг. в эвакуации в публикациях поэта исчезает двойная датировка по старому и новому стилю. «Поэт из межеумочья, зыбкого существования между двумя историями возвращается в одно время — в свое время. Порой такие мелочи, как дата, кричат громче бурь» [8, с. 767]. По предположению исследовательницы, именно Великая Отечественная война примиряет неоклассициста, старого профессора, ученика А.Н. Веселовского — Верховского с советской властью. Книга «Будет так» (сознательно или бессознательно) стала результатом этого примирения: так соединяются в ней разные эпохи, разные временные пласты, а прежние символы высту-

8 Подробнее о литературном каноне в 1940-е гг.: [17].

пают в новом качестве, разомкнутые и в пространство «многострунной» памяти, и в современность. При этом, возможно ввиду «примирительного» характера книги, именно актуальная образность играет в «Будет так» книгообразующую роль. Часто это рождает окказиональные случаи приложения классического метра к описанию реалий войны (например, стихотворение «Всходит ли ярко луна на безоблачном небе, — я мыслю...»). Лирический герой Верховского чувствует «фронта дыханье своим» [5, с. 15], ощущает себя «на своем посту, в ряду своем», в том числе вставая на защиту исторической и культурной памяти народа. Для Иванова такая корреляция невозможна. Живя в Риме в непосредственной близости военных действий, он собирает «Римский дневник 1944 года» (1944). В нем, как пишет А.Б. Шишкин, «события календарного года, столь драматического для судеб мира и любимого поэтом города (оккупированного нацистами и затем освобожденного союзниками), соотносились с вечным временем литургического, событиями христианской истории и собственными итогами долгой жизни» [28, с. 173]. Итоговый лирический цикл Иванова также связан с темой памяти/забвения, в том числе культурной мировой памятью. Но если у Верховского через тему культурной памяти осмысляются и включаются в нее исторические события, итогом которых он видит грядущую победу в войне, то у Иванова, наоборот, события частной личной духовной жизни соотносятся с надвременным и вечным, а военные события лишь задают им фон, хотя и драматический. То есть для Верховского все душевные силы сосредоточены на общем, коллективном приближении победы. В сборнике «Будет так», как пишет В.В. Калмыкова, «дан строй речи человека, всей русской культурой подготовленного к борьбе с фашизмом» [8, с. 767]. Для Иванова же любая война разрушительна, будь то несущий ее «готский стан» или войска союзников («Вечный город! Снова танки, / Хоть и дружеские ныне» [15, т. 1, с. 616]). Итоги чаяний двух поэтов различны. Победа, по Верховскому, должна преобразить мир:

Свет белый просияет чистотой,
И станет жизнь великой и простой [5, с. 25].

По Иванову, война испытывает душу человека, как бы «улегчает» ее:

А все ж, чем жизнь вещественней долит,
Тем легче, взвившись жаворонком, бремя
Душе стряхнуть [15, т. I, с. 616].

Книга «Будет так» была написана на волне всеобщего патриотического подъема. Стихотворения, вошедшие в нее, отмечены, пожалуй, наибольшей в корпусе всех произведений Верховского концентрацией как образов, связанных с современными автору историческими событиями, так и лексикой советской печати. Неизвестно, насколько искретен был поэт в своей книге, вероятно, ее пафос неподделен. Но тем и ярче на фоне вдохновенной прокламации проступают глубинные смыслы образов и символических мотивов, берущие начало в Серебряном веке и облеченные в новую форму патетики соцреализма. Ввиду прочного символистского фундамента книги эти смыслы образуют не прямое продолжение диалога если не с Ивановым, то с эпохой, с внутренним собеседником. Примечательно, что об этой книге, вышедшей в Свердловске тиражом в пять тысяч экземпляров, Верховский, «последний “символист”», как называет его в мемуарах Б.С. Рябинин [22, с. 97], на протяжении всей своей дальнейшей жизни в печати не упоминал. В автобиографии 1944 г., т. е. через год после выпуска, он посвятил ей меньше одной строки.

Список литературы

- 1 Ахматова А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2, кн. I: Стихотворения. 1941–1959. 640 с.
- 2 Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 1999. Т. 5: Стихотворения и поэмы (1917–1921). 568 с.
- 3 Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. 640 с.
- 4 Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки славянской культуры, 1999. 632 с.
- 5 Верховский Ю. Будет так. Свердловск: ОГИЗ Свердловгиз, 1943. 32 с.
- 6 Верховский Ю.Н. Воспоминания младенчества // Свободная Пермь. 1919. 23 февраля.
- 7 Верховский Ю.Н. Другу // Свободная Пермь. 1919. 16 марта.
- 8 Верховский Ю.Н. Струны: собрание сочинений. М.: Водолей, 2008. 928 с.
- 9 Вячеслав Иванов. Из неопубликованных стихов: дружеские послания. Из неопубликованных переводов. Dubia / публ. Д.В. Иванова и А.Б. Шишкина // Европа

- Orientalis. Русско-итальянский архив III. Вячеслав Иванов — новые материалы. 2001. С. 25–48.
- 10 *Гаспаров М.Л.* Русские стихи 1890-х–1925-го годов в комментариях: Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1993. 272 с.
- 11 *Гельперин Ю.М.* К вопросу о «неоклассицизме» в русской поэзии начала XX века // *Материалы XXVI научной студенческой конференции.* Тарту: Тартуский ун-т, 1971. С. 60.
- 12 *Звонова С.А.* Творчество Ю. Н. Верховского в историко-культурном контексте первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 23 с.
- 13 *Звонова С.А., Фоминых Т.Н.* Ю.Н. Верховский в газете «Свободная Пермь» // *Филолог.* 2005. № 7. С. 63–72.
- 14 *Иванов Вяч.И.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. Т. 1. 872 с.
- 15 К истории дружеских посланий Вяч. Иванова и Ю. Верховского. URL: <https://lucas-v-leuyden.livejournal.com/97706.html> (дата обращения: 01.12.2018).
- 16 *Кардаш Е.В.* Арион // *Пушкинская энциклопедия: Произведения.* Вып. 1. А — Д. СПб.: Нестор–История, 2009. С. 80–85.
- 17 *Клочкова Ю.В.* Литературный образ Свердловска в произведениях военных лет // *Литература Урала: история и современность: сб. ст.* Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала, Изд-во АМБ, 2006. С. 128–135.
- 18 *Лавров А.В.* Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // *Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9 — 11 сентября 2002 г.* Томск; М.: Водолей, 2003. С. 194–204.
- 19 *Михайлова М.В.* УГОЛЬ и АЛМАЗ. К антропологии русского символизма // *Вячеслав Иванов. Исследования и материалы.* СПб.: РХГА, 2016. Вып. 2. С. 215–228.
- 20 Переписка Вяч. Иванова с Ф.А. Степуном / подгот. текста А. Шишкина, коммент. К. Хуфена и А. Шишкина // *Символ.* 2008. № 53–54. С. 404–420.
- 21 *Подлубнова Ю.С.* Домна и мартен в уральской поэзии 1920–1930-х гг. // *Стих. Проза. Поэтика.* Сб. ст. в честь 60-летия Ю.Б. Орлицкого. СПб.: Свое издательство, 2012. С. 292–298.
- 22 *Рябинин Б.С.* Ушедшее — живущее: книга воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1985. 430 с.
- 23 Стихотворения Юрия Верховского из Римского архива Вячеслава Иванова. Публикация А.Б. Шишкина // *Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г.* Томск; М.: Водолей, 2003. С. 220–226.
- 24 *Тахо-Годи Е., Шишкин А.* Примечания к «Римским сонетам» // *Иванов В. Ave Roma. Римские сонеты.* СПб.: Каламос, 2011. С. 92–105.
- 25 *Титаренко С.Д.* Идея Рима как Музея Памяти в раннем творчестве Вячеслава Иванова и миф о вечном возвращении. URL: <http://www.v-ivanov.it/wp-content/>

uploads/2013/04/titarenko_ideya_rima_kak_muzeya_pamyati_v_tv_ivanova_2012.pdf (дата обращения: 12.12.2018).

- 26 Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 47 с.
- 27 Шишкин А.Б. Вяч. Иванов и сонет Серебряного века // *Europa Orientalis*. 1999. XVIII. 2. С. 221–270.
- 28 Шишкин А.Б. «Россия» и «Вселенская церковь» в формуле Вл. Соловьева и Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 159–178.

References

- 1 Akhmatova A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols.] Moscow, Ellis Lak Publ., 1999. Vol. 2, book 1: Stikhotvoreniia. 1941–1959. 640 p. (In Russ.)
- 2 Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.] Moscow, Nauka Publ., 1999. Vol. 5: Stikhotvoreniia i poemu (1917–1921). 568 p. (In Russ.)
- 3 Bogomolov N.A. *Russkaia literatura pervoi treti XX veka. Portrety. Problemy. Razyskaniia* [Russian literature of the first third of the 20th century]. Tomsk, Vodolei Publ., 1999. 640 p. (In Russ.)
- 4 Bocharov S.G. *Siuzhety russkoi literatury* [Plots in Russian literature]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 1999. 632 p. (In Russ.)
- 5 Verkhovskii Iu. *Budet tak* [Let it be so]. Sverdlovsk, OGIZ Sverdlgiz Publ., 1943. 32 p. (In Russ.)
- 6 Verkhovskii Iu.N. *Vospominaniia mladenchestva* [Childhood memories]. *Svobodnaia Perm'*. 1919. 23 February. (In Russ.)
- 7 Verkhovskii Iu.N. *Drugu* [To a friend]. *Svobodnaia Perm'*. 1919. 16 March. (In Russ.)
- 8 Verkhovskii Iu.N. *Struny: sobranie sochinenii* [Strings: collected works]. Moscow, Vodolei Publ., 2008. 928 p. (In Russ.)
- 9 Viacheslav Ivanov. Iz neopublikovannykh stikhov: druzheskie poslaniia. Iz neopublikovannykh perevodov. Dubia [Unpublished poems: friendship epistles. Unpublished translations. Dubia], publ. D.V. Ivanova and A.B. Shishkina. *Europa Orientalis. Russko-ital'ianskii arkhiv III. Viacheslav Ivanov — novye materialy* [Russian-Italian archive. Vyacheslav Ivanov — new materials], 2001, pp. 25–48. (In Russ.)
- 10 Gasparov M.L. *Russkie stikhi 1890-kh–1925-go godov v kommentariakh: Uchebnoe posobie dlia vuzov* [Russian poems of the 1890s–1925s with comments: textbook for universities]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1993. 272 p. (In Russ.)
- 11 Gel'perin Iu.M. K voprosu o "neoklassitsizme" v russkoi poezii nachala XX veka [The question of neoclassicism in Russian poetry of the early 20th century]. *Materialy XXVI*

- nauchnoi studencheskoi konferentsii* [The 26th student conference proceedings]. Tartu, Tartuskii un-t Publ., 1971, pp. 60. (In Russ.)
- 12 Zvonova S.A. *Tvorchestvo Iu.N. Verkhovskogo v istoriko-kul'turnom kontekste pervoi treti XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The work of Yury Verkhovsky in historical and cultural context of the first third of the 20th century: PhD thesis, summary]. Perm', 2006. 23 p. (In Russ.)
- 13 Zvonova S.A., Fominykh T.N. Iu.N. Verkhovskii v gazete "Svobodnaia Perm'" [Verkhovsky in the pages of the newspaper *Svobodnaya Perm'*]. *Filolog*, 2005, no 7, pp. 63–72. (In Russ.)
- 14 Ivanov Viach.I. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.] Brussels', Foyer Oriental Chrétien Publ., 1971–1987. (In Russ.)
- 15 *K istorii druzheshkikh poslanii Viach. Ivanova i Iu. Verkhovskogo* [On the history of friendship epistles by Vyacheslav Ivanov and Yury Verkhovsky]. Available at: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/97706.html> (Accessed 01 December 2018). (In Russ.)
- 16 Kardash E.V. Arion [Arion]. *Pushkinskaia entsiklopediia: Proizvedeniia* [Pushkin Encyclopedia: works]. St. Petersburg, Nestor–Istoriia Publ., 2009. Issue 1: A – D, pp. 80–85. (In Russ.)
- 17 Klochkova Iu.V. Literaturnyi obraz Sverdlovsk v proizvedeniiax voennykh let [Literary image of Sverdlovsk in the works of the war years]. *Literatura Urala: istoriia i sovremennost': sb. st.* [Ural literature: history and modernity. Collection of articles]. Ekaterinburg, UrO RAN; Ob"edinennyi muzei pisatelei Urala, Izd-vo AMB Publ., 2006, pp. 128–135. (In Russ.)
- 18 Lavrov A.V. Druzheskie poslaniia Viacheslava Ivanova i Iurii Verkhovskogo [Friendship epistles by Vyacheslav Ivanov and Yury Verkhovsky]. *Viacheslav Ivanov – Peterburg – mirovaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov – Petersburg – world culture: Proceedings of the International Academic Conference 9–11 September 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 194–204. (In Russ.)
- 19 Mikhailova M.V. UGOL' i ALMAZ. K antropologii russkogo simvolizma [The coal and the diamond. The question of the anthropology of Russian symbolism]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and materials]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2016, issue 2, pp. 215–228. (In Russ.)
- 20 Perepiska Viach. Ivanova s F.A. Stepunom [Vyacheslav Ivanov's correspondence with Fedor Stepun], ed. A. Shishkina, K. Khufen. *Simvol*, 2008, no 53–54, pp. 404–420. (In Russ.)
- 21 Podlubnova Iu.S. Domna i marten v ural'skoi poezii 1920–1930-kh gg. [Blast furnace and open-hearth furnace in the Ural poetry of 1920–1930s]. *Stikh. Proza. Poetika*. Sb. st. v chest' 60-letii Iu.B. Orlitskogo [Verse. Prose. Poetics. Collection of articles in honor of the 60th anniversary of Yury Orlitsky]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2012, pp. 292–298. (In Russ.)

- 22 Riabinin B.S. *Ushedshee – zhivushchee: kniga vospominanii* [The bygone and the living: memory book]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1985. 430 p. (In Russ.)
- 23 Stikhotvoreniia Iurii Verkhovskogo iz Rimskogo arkhiva Vyacheslava Ivanova. Publikatsiia A.B. Shishkina [Yury Verkhovsky's poems from the Roman archive of Vyacheslav Ivanov]. *Viacheslav Ivanov – Peterburg – mirovaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov – Petersburg – world culture: Proceedings of the International Academic Conference 9–11 September 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 220–226. (In Russ.)
- 24 Takho-Godi E., Shishkin A. Primechaniia k "Rimskim sonetam" [Comments to *Roman sonnets*]. *Ivanov V. Ave Roma. Rimskie sonety* [Roman sonnets]. St. Petersburg, Kalamos Publ., 2011, pp. 92–105. (In Russ.)
- 25 Titarenko S.D. *Ideia Rima kak Muzeia Pamiati v rannem tvorchestve Vyacheslava Ivanova i mif o vechnom vozvrashchenii* [The idea of Rome as a Museum of Memory in the early work of Vyacheslav Ivanov's and the myth of eternal return]. Available at: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2013/04/titarenko_ideya_rima_kak_muzeia_pamyati_v_tv_ivanova_2012.pdf (Accessed 12 December 2018). (In Russ.)
- 26 Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: PhD thesis, summary]. Moscow, 2011. 47 p. (In Russ.)
- 27 Shishkin A.B. Viach. Ivanov i sonet Serebrianaogo veka [Vyacheslav Ivanov and the Silver Age sonnet]. *Europa Orientalis*, 1999, XVIII, 2, pp. 221–270. (In Russ.)
- 28 Shishkin A.B. "Rossiia" i "Vselenskaia tserkov'" v formule Vl. Solov'eva i Viach. Ivanova ["Russia" and "Universal Church" in the formula by Vladimir Solovyov and Vyacheslav Ivanov]. *Viacheslav Ivanov – Peterburg – mirovaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov – Petersburg – world culture: Proceedings of the International Academic Conference 9–11 September 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 159–178. (In Russ.)